

обществу наблюдается и соответствующее изменение характера производственных отношений. Это в большей степени отношения сотрудничества, партнерства, основанные на принципе самоактуализации каждого не в ущерб самоактуализации общества в целом.

В постиндустриальном обществе конкуренция сохраняется, но меняет свой характер, становится обусловленной различным уровнем самоактуализации человека, самоактуализации общества в целом. Однако при этом необходимо отметить всевозрастающую роль государства в создании и поддержании необходимых условий для обеспечения процессов самоактуализации общества и самоактуализации человека. В связи с этим следует говорить о сознательно регулируемом характере обмена деятельностью, в частности проявляющемся в том, что государство призвано гарантировать и обеспечивать минимально необходимые условия для самоактуализации. В условиях постиндустриального общества должен сформироваться и другой тип производства, а именно социальное производство. *Социальное производство* – производство, специально ориентированное на всестороннее развитие человека.

В индустриальном обществе обмен продуктами осуществляется в основном стихийно и в форме товарного обмена (купли – продажи).

В постиндустриальном обществе обмен продуктами является регулируемым и сочетающим формы прямого распределения продуктов, поскольку в социальной экономике государство призвано создавать условия для необходимого минимума самоактуализации всем членам общества. Однако это не исключает и элементов стихийности, поскольку превращение потребности в самоактуализации человека в ранг естественной потребности предполагает достаточно большую степень свободы в выборе человеком форм самоактуализации. Постепенное ослабление роли стоимостных характеристик, лежащих в основе обмена, и непрерывное усиление ценностных (различного рода статусных, индивидуальных, субъективных) характеристик сохраняет элемент стихийности в обмене про-

дуктами, благами. В связи с этим можно отметить справедливость утверждения К. Маркса об историческом характере товарного обмена.

Трансформация индустриального общества в процессе формирования и становления постиндустриального общества не может сопровождаться полным отказом от системы распределения. Однако поскольку в условиях социальной экономики основной целевой направленностью человека является не рост его материального богатства, а стремление к самоактуализации, то возможность отчуждения части произведенного им вещественного продукта через систему распределения не будет восприниматься как проявление социальной несправедливости. Система распределения в условиях социальной экономики и экономики индивидуумов будет функционировать в соответствии с принципом личного вклада в самоактуализацию общества. И лишь на последующих стадиях общественного развития, возможно, наступит время осуществления принципа распределения по потребностям.

В индустриальном обществе считалось, что развитие форм собственности (смена одной формы другой) вызывается изменением характера и уровня производительных сил, в конечном счете – орудий труда. Однако в настоящее время нельзя не обратить внимания на постепенное смещение акцента в составе производительных сил с технологической составляющей на человеческую. Развитие индустриального общества определялось прежде всего техническими возможностями производства, а также экономическими возможностями потребителя. Высшая ступень индустриального общества создает необходимые предпосылки для учета влияния, оказываемого самоактуализацией человека (в производстве, в потреблении), на последующее развитие общества. Развитие постиндустриального общества всецело определяется индивидуальными качествами человека, его самоактуализацией. Все это также свидетельствует о неразрывной связи всех стадий общественного развития, об его поступательном и естественном характере.

С.М. Крымов, Н.В. Варлачѐва

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ В РАЙОНАХ ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ КРУПНЫХ РЕГИОНОВ

Томский государственный педагогический университет

Стратегия развития Томской области предусматривает подъем уровня и качества жизни населения на основе укрепления и развития традиционных и формирования новых секторов экономики. К числу базовых отраслей экономики для Томской области на ближайшие десятилетия относятся нефтяная и газовая промышленность [1].

Учитывая, что на территории Западной Сибири проживают коренные народы Севера (см. таблицу ниже), особое значение приобретает проблема традиционного природопользования, поскольку эта часть населения сохраняет исторически сложившиеся и экологически сбалансированные способы освоения и охраны окружающей природной среды.

Коренные народы севера Западной Сибири и других регионов страны

Национальность	Численность (чел.)	Субъект Российской Федерации
Манси	8 461	Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская и Свердловская области
Ненцы	34 645	Ямало-Ненецкий, Таймырский и Ненецкий автономные округа, Архангельская, Мурманская, Тюменская области
Селькупы	3 612	Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край, Томская область
Ханты	22 551	Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Томская и Тюменская области
Эвенки	30 163	Ямало-Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский автономные округа; Республики Бурятия, Саха (Якутия), Хабаровский и Приморский края; Читинская, Сахалинская области
Тазы	300	Томская область, Красноярский край
Телеуты	3 000	Томская область, Алтайский край
Чулымцы	300	Томская область, Красноярский край
Шорцы	16 652	Кемеровская область

С одной стороны, традиционное природопользование должно быть регламентировано законодательством, учитывающим специфику трудовой и хозяйственной деятельности коренных народов. С другой стороны, оно должно включать в себя новые виды деятельности, связанные со сферой услуг. Поскольку коренные народы несколько веков являются добытчиками и поставщиками пушнины, рыбы, оленьего мяса, продуктов зверобойного промысла, то на сегодняшний день они могут быть и активными участниками экологического туризма, экологически безопасной рекреации, пропагандистами традиционного бережного отношения к природным ресурсам севера России.

Исторически образ мыслей и действий сложился так, что коренные народы сами управляли природопользованием и осуществляли необходимый контроль использования ресурсов на своей территории. Коренные народы могут стать гарантами долговременного и устойчивого использования природных ресурсов на обширных территориях своего традиционного расселения и хозяйственной деятельности, в том числе и в Западной Сибири.

Названные выше проблемы особенно актуальны в районах крупномасштабного освоения нефтегазовых ресурсов. Главные нефтегазодобывающие регионы России (прежде всего ХМАО и ЯНАО) в настоящее время сталкиваются с множеством сложных социальных проблем, важнейшими среди которых являются:

- поддержание высокого уровня занятости населения;
- достижение высокого (по меньшей мере среднероссийского) уровня развития социальной инфраструктуры.

Поэтому все более актуальной становится задача использования недр для решения социальных проблем. Или, по выражению губернатора ЯНАО Ю. Нелова, «недра Ямала нужно направить на службу человеку». Но сделать это не так просто.

В условиях усиления конкуренции стратегия российских нефтегазовых компаний во все большей степени ориентируется на сокращение производственных издержек. Среди первоочередных и наиболее простых (по мнению компаний) путей экономии расходов рассматриваются **сокращение численности персонала и реструктуризация**, т.е. выделение из состава корпораций непрофильных подразделений и предприятий. Стремление к сокращению затрат особенно усиливается в периоды падения мировых цен на энергоносители.

Другим препятствием для решения социальных проблем нефтегазовых территорий является трансфертное ценообразование в рамках ВИНК, которое ведет к «несправедливому» сужению налогооблагаемой базы и, следовательно, слишком медленному росту бюджетных доходов. В результате применения искусственно заниженных трансфертных цен происходит «увод» рентных доходов из добывающих регионов и использование их в интересах Федерации, регионов-импортеров нефти и газа, а также крупных финансовых центров (российских и зарубежных).

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена действующей в России налоговой системой, которая, с одной стороны, плохо адаптирована к интересам и проблемам сырьевых территорий, с другой – не способна адекватно реагировать на изменение эффективности нефтегазовых операций (цен на углеводороды, условий добычи, разработки месторождений).

Главной и самой трудноразрешимой социальной проблемой нефтегазодобывающих территорий явля-

ется на сегодняшний день проблема занятости населения. Многие бывшие вахтовые поселки нефтяников и газовиков, основанные 20–30 лет назад, за прошедшие годы выросли в крупные и средние города, которые, за редким исключением, так и остались монопрофильными поселениями – никаких других отраслей, кроме нефтегазовой, в них не развивалось и не развивается. Еще более тяжелая ситуация сложилась в небольших населенных пунктах (рабочих поселках), где добывающее предприятие или геолого-разведочная партия является, как правило, вообще единственным работодателем. В случае увольнения (при ликвидации предприятия или в целях сокращения производственных расходов) у жителей таких городов и поселков практически нет шансов найти работу по специальности, а часто и никаких возможностей для трудоустройства.

Поэтому **уровень безработицы** (отношение численности безработных к экономически активному населению) **в северных нефтегазовых регионах неоправданно высок**. Например, среди сибирских регионов – субъектов Федерации, входящих в межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение», едва ли не самые высокие уровни безработицы имеют место в ХМАО – 3.4 %, ЯНАО – 2.7 % и Томской области – 3 %. Следует отметить, что в этих показателях учтена численность безработных, зарегистрированных в службах занятости. Общая же численность безработных в несколько раз превышает число граждан, получивших официальный статус безработного.

Наряду с регистрируемой существует и **скрытая безработица**, принимающая самые различные формы. Одними из наиболее типичных форм скрытой безработицы являются отпуска по инициативе администрации предприятий и работа в режиме неполного рабочего дня. По действующим правилам учета к числу занятых в экономике относятся те граждане, которые работают в личных подсобных хозяйствах аграрного типа. Однако подобная занятость часто является вынужденной из-за отсутствия другой работы. И наконец, официальная статистика совершенно не учитывает фиктивную занятость населения, когда граждане формально трудоустроены, но в действительности не работают. Перечисленные обстоятельства вполне позволяют предположить, что безработица в нефтегазовых регионах в настоящее время имеет преимущественно скрытые формы, а официальные статистические данные высвечивают лишь «верхушку айсберга». Все это, несомненно, обостряет реальную проблему занятости населения и затрудняет ее решение.

Без всякого преувеличения можно сказать, что безработица стала настоящим бичом для **коренного населения северных территорий**. Развитие нефтегазовой промышленности во многих случаях привело к серьезным нарушениям в природной среде и традиционном укладе жизни малочисленных северных народов. Будучи лишены естественных условий для

ведения хозяйства (оленоводства, охоты, рыбного промысла, национальных ремесел), аборигены с большим трудом адаптируются к «цивилизованному» городскому образу жизни, привнесенному пришлым населением. А получить сколько-нибудь приличное образование и найти работу на нефтегазовом Севере можно только в городах.

Таким образом, проблема занятости населения в северных нефтегазовых регионах имеет двоякую окраску. С одной стороны, в результате бурного освоения ресурсов нефти и газа в советские годы, обусловившего высокий уровень миграции, северные территории оказались перенаселенными, что со всей очевидностью дает о себе знать на поздних стадиях добычи углеводородов. С другой стороны, существует специфическая проблема безработицы среди коренного населения, решение которой требует особых подходов.

Многочисленные проблемы, связанные с избыточностью населения и неблагоприятными условиями жизни, порождает у жителей Севера (бывших мигрантов и их потомков) стремление к переезду в другие регионы страны. Идея **массового переселения** поддерживается федеральными и региональными властями, принявшими соответствующие целевые программы.

Вместе с тем решение задачи переселения жителей из районов Крайнего Севера нельзя увязывать только со строительством или приобретением жилья в других регионах. Существует ряд факторов, характеризующих будущее место проживания, значимых для потенциальных переселенцев и особенно людей, находящихся в трудоспособном возрасте. Прежде всего к числу таких факторов следует отнести:

- возможность получения привлекательной работы, с чем связаны основные ожидания, касающиеся прямых доходов и уровня жизни;
- степень обеспеченности всеми видами социально-бытовой инфраструктуры, включая образование, здравоохранение, сферу культуры и пр.;
- территориальное положение и природно-климатические условия.

Если государство и нефтегазовые компании не смогут найти эффективные способы решения проблемы занятости в регионах с падающей добычей, затраты на переселение (и переобучение) безработных и членов их семей составят огромные суммы, измеряемые десятками и сотнями миллиардов рублей. В настоящее время в федеральном и региональных бюджетах таких средств нет. Подтверждение этого – трудности с финансированием и реализацией уже принятых государственных программ переселения жителей из районов Крайнего Севера. Маловероятно, что необходимые финансовые ресурсы будут изысканы и в ближайшем будущем.

Проблема финансирования во многом определяет и **текущие приоритеты региональной политики**

по вопросам занятости населения. В частности, в ХМАО важнейшая роль в реализации политики занятости изначально отводилась территориальным *фондам занятости населения* (ФЗН), которые должны заниматься всей многоплановой деятельностью, связанной с профессиональной подготовкой (переподготовкой) и трудоустройством жителей округа.

В первые годы своего существования ФЗН попытались сосредоточить основное внимание на мерах, соответствующих активному варианту политики [2]. В условиях относительно неплохого финансирования и небольшой безработицы такие меры могли привести к достижению максимальных результатов. Основными направлениями активной политики в сфере занятости населения являются:

- содействие в трудоустройстве граждан с целью сокращения времени на поиски работы;
- профессиональное обучение и переобучение, позволяющие безработным приобрести новую профессию и/или повысить квалификацию;
- поддержка предпринимательства и самозанятости населения;
- стимулирование работодателей для организации новых рабочих мест.

Проблему трудоустройства нельзя вырвать из контекста всего круга задач, связанных с созданием (а точнее говоря, воссозданием) благоприятных условий для жизнедеятельности аборигенного населения в соответствии с традиционным укладом. Для решения этих задач необходимо прежде всего сохранение естественной природной среды там, где она еще не тронута, и возрождение там, где она нарушена в результате хозяйственной деятельности. Чтобы выполнить данное условие, потребуется существенно ограничить доступ для промышленных компаний во многие районы нового освоения, где расположены месторождения нефти и газа. Для ликвидации же негативных экологических последствий прежней хозяйственной деятельности нужны огромные средства, не сопоставимые по своей величине с теми расходами, которые сейчас несут нефтяные компании при оказании социально-экономической помощи коренным народам Севера (в рамках лицензионных соглашений о недропользовании). Таким образом, условия решения задач поддержания традиционного образа жизни и деятельности аборигенного населения вступают в определенные противоречия с целями нефтегазовых компаний и экономическими интересами большинства жителей северных территорий.

Одним из способов частичного решения проблем занятости населения в нефтяных регионах является передача малодебитных скважин независимым и, как правило, небольшим компаниям с условием применения особого налогового режима. Крупным компаниям невыгодно содержать такие скважины, поскольку их эксплуатация в условиях обычного налогообложения убыточна. Не случайно малодебитные сква-

жины в большинстве своем либо уже бездействуют (законсервированы), либо запланированы к ликвидации.

Другой инструмент решения проблем занятости связан с лицензионной политикой в сфере недропользования [3]. Необходимо, чтобы перед началом сокращения кадров нефтегазовые компании разрабатывали и выполняли программы переподготовки и переобучения увольняемых работников, переселения высвобождаемых работников и их семей, создания новых (замещающих) рабочих мест в других отраслях местной экономики. Эти условия должны стать неотъемлемой частью новых лицензионных соглашений, дающих право на пользование недрами.

Не рассматривая весь спектр возможных подходов к решению проблемы занятости, хотелось бы, тем не менее, подчеркнуть, что их вероятная эффективность во многом связана с налоговыми аспектами. Совершенствование федерального и регионального законодательства по вопросам налогообложения в нефтегазовом секторе является одним из главных условий, необходимых для поддержания и роста уровня занятости населения в сырьевых регионах.

Для крупнейших нефтегазовых территорий России характерны высокие номинальные показатели уровня жизни населения (среднедушевого денежного дохода). Это вполне объяснимо, поскольку, например, в ХМАО и ЯНАО величина средней заработной платы намного выше, чем в большинстве остальных регионов страны. Однако реальный уровень жизни населения определяется не только суммами прямых денежных доходов, но и рядом других факторов. Среди них большое значение имеют **состояние и динамика развития социальной сферы**. Однако на протяжении уже многих лет и ХМАО, и ЯНАО относятся к числу тех регионов России, где уровень обеспеченности населения жильем и услугами социального характера (по охране здоровья, образованию, уходу за престарелыми и т.д.) ниже среднего по стране. Это отставание сложилось еще в советское время, когда государство больше беспокоилось о приростах добычи нефти и газа, нежели о строительстве жилья, больниц, школ, домов культуры и проч. для тех людей, которые работали в нефтегазовой промышленности.

Помимо общего отставания в каждом из округов имеет место заметная межтерриториальная дифференциация показателей: жители нефте- и газодобывающих районов обеспечены социальным обслуживанием, как правило, значительно лучше, чем население прочих территорий. Наблюдается большой разрыв в уровне обеспеченности социальными услугами городского и сельского населения. Большинство объектов социальной сферы сконцентрировано в крупных и средних городах (и они часто неплохо выглядят на общероссийском фоне). Обеспеченность сельских жителей объектами и услугами социальной сферы

значительно ниже, чем городских. О резкой дифференциации количественных и качественных параметров развития социальной сферы в городах и сельской местности, например медицинского обслуживания, свидетельствует значительный разрыв в уровнях показателя детской смертности: на селе он примерно в 1.5 раза выше, чем в городах.

Даже беглые сравнения позволяют сделать вывод о том, что в последние годы, несмотря на все предпринимаемые усилия, радикального перелома в динамике развития социальной сферы так и не произошло. Например, по уровню обеспеченности населения жильем отставание ХМАО и ЯНАО от среднероссийских показателей остается почти неизменным, медленно сокращается отставание по уровню обеспечения медицинскими услугами. Едва ли не единственный показатель, по которому нефтегазовые округа занимают лидирующие позиции в стране, – это показатель развития системы детских дошкольных учреждений (рис. 1, 2).

Рис. 1. Динамика показателей социального развития ХМАО (в % к среднероссийскому уровню)

Рис. 2. Динамика показателей социального развития ЯНАО (в % к среднероссийскому уровню)

Проблема дефицита жилья и социально-бытовых услуг усугубляется низким уровнем благоустройства городов и поселков. Так, в ЯНАО – главном газодобывающем регионе страны – газоснабжением охвачено только немногим более половины жилищного фонда, в том числе лишь около одной трети обеспечено сетевым газом. В ХМАО многие населенные пункты не электрифицированы, а значительная часть дорог не имеет твердого покрытия. В северных нефтегазовых регионах весьма остро стоит и **проблема социальной защищенности** жителей, особенно неработающего населения.

Существует многократный разрыв в уровне денежных доходов между работниками профилирующих отраслей нефтегазового сектора и занятыми в других сферах экономики. Например, средняя заработная плата газовика в ЯНАО примерно в 9 раз превышает доход работника сферы образования. Столь же значительны различия в уровне доходов работающего и неработающего населения. Так, в ХМАО величина среднемесячной заработной платы почти в 6 раз выше среднего размера пенсии (без компенсационных выплат). Положение пенсионеров, живущих в северных нефтегазовых регионах (в том же ХМАО), заметно хуже по сравнению с положением пенсионеров в других регионах страны. Разрыв между величиной прожиточного минимума и доходами пенсионеров в ХМАО увеличивается быстрее, чем в среднем по стране. И это при том, что в округе более значительны, чем в среднем по России, различия в уровне доходов двух групп населения (работающих и пенсионеров).

Рассматривая социальные проблемы сырьевых регионов, нельзя не отметить, что они далеко не всегда связаны с динамикой освоения ресурсов нефти и газа. Если острота проблемы занятости населения действительно во многом зависит от того, на какой стадии развития находится нефтегазовая провинция, то проблемы низкого уровня социального обслуживания и социальной защищенности порождены другими факторами. Тем не менее их решение самым непосредственным образом связано с функционированием нефтегазового сектора. Решение социальных задач в настоящее время по большей мере относится к компетенции региональных и местных властей и финансируется за счет доходов территориальных бюджетов. А величина бюджетных доходов, получаемых добывающими регионами, в свою очередь, прямо зависит от принципов построения налоговой системы.

Задача выбора приоритетных направлений развития экономики Томской области должна решаться комплексно исходя из анализа и оценки перспектив не только добычи нефти и газа, но и механизмов их осуществления. Необходимы всесторонний учет этносоциальных проблем, развитие сферы услуг в районах освоения нефтегазовых ресурсов крупных регионов.

Литература

1. Адам А.М., Мамин Р.Г. Природные ресурсы и экологическая безопасность Западной Сибири. М., 2001.
2. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В. Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством? Новосибирск, 1995.
3. Токарев А.Н. Налоговое регулирование нефтегазового сектора: региональные аспекты. Новосибирск, 2000.

Е.А. Ерохина*, *А.В. Маркова***

ЦИКЛЫ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА В СТРУКТУРНЫХ СДВИГАХ В ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТЫХ СТРАН

* Томский государственный университет

** Томский институт бизнеса

Дефиниции цикла, приводимые в экономической литературе, на редкость единообразны, до сих пор опираясь на законы термодинамики. В результате цикл определяется через понятия кругооборота и повторения, возврата к начальному состоянию, что некорректно, поскольку подобное движение возможно только для закрытой, равновесной, статичной системы, а экономика, напротив, является динамичной, неравновесной, открытой системой, которой не свойственна обратимость как прежнему состоянию, тем более, если оно равновесное. Почти то же самое можно сказать и о попытках разобраться в сущности цикличности. Обычно она сводится к чередованию, смене периодов, периодичности, проявляющейся в динамических стохастических процессах, т.е. цикличность сводится к периодичности – периоду колебаний. Период колебаний представляет собой наименьший промежуток времени, через который система возвращается в исходное состояние. Поскольку экономическая система не может вернуться в то же самое состояние, в котором когда-то была (вследствие ее динамичности и необратимости происходящих в ней процессов), то речь идет фактически об интервале (промежутке времени между двумя событиями), наличие которого является необходимым, но далеко не достаточным условием цикличности. Выйти из круга противоречий можно, лишь обратившись к методологической основе исследования динамических процессов в экономике – концепциям самоорганизации. Прежде чем подойти к определению экономического цикла и цикличности, необходимо ответить на следующие вопросы: обратимо ли развитие национальной экономики, является ли полная обратимость необходимым условием цикличности? Четкого ответа на эти вопросы экономическая наука, увлеченная теориями равновесия, пока не выработала. Часть исследователей считает, что движение экономики носит обратимый характер, т.е. полагает, что через определенные промежутки времени происходит повторение событий. Это является закономерным следствием использования понятия термодинамического цикла. Под последним понимается совокупность процессов, в результате которых тело возвращается в первоначальное состояние,

а под циклом понимается совокупность явлений, процессов, составляющих кругооборот в течение определенного промежутка времени. Как видим, различия практически нет. Поскольку термодинамика имеет дело лишь с закрытыми системами, то основанное на выведенных ею закономерностях определение цикла может быть верным только для закрытых систем, тогда как социальные системы, включая экономику, являются преимущественно открытыми. Следовательно, говорить об обратимости движения большинства экономических систем неверно.

Другая часть исследователей настаивает на том, что процессы развития сочетают в себе обратимость и необратимость, причем необратимыми считаются эволюционные процессы, а обратимыми – волнообразные. Во-первых, в данном случае отождествляются развитие и эволюция. Однако развитие включает в себя эволюционную и революционную фазы. Эволюционная фаза отличается малым количеством изменений, стабильностью экономических институтов, связей и отношений между ними, т.е. происходящие в ней процессы характеризуются обратимостью (естественно, не полной). В революционной фазе происходит переход на новую траекторию экономического развития, следовательно, об обратимости здесь речь идти не может. Во-вторых, если эволюция – это процесс, который движется циклами, как утверждают сторонники данной точки зрения, то как он может быть необратимым, как утверждалось ранее? На этот вопрос ответа мы не находим.

Кардинально отличается от этого подхода точка зрения Ю.В. Яковца и А.Г. Гамбурцева, согласно которой в самой циклической динамике сочетаются обратимые и необратимые процессы, причем обратимость проявляется в повторении схожих фаз, а необратимость – в том, что каждый этап развития, каждый цикл неповторим, специфичен [1, с. 730]. С этой точкой зрения трудно не согласиться – именно сочетание обратимых и необратимых процессов делает цикл, которому подвержены открытые системы, разомкнутым, а циклическое движение – волнообразным, спиралевидным, в процессе которого возможен качественный переход (как в сторону прогресса, так